

АНТИ-ЦИПРИНУСЪ.

Воспоминаніе о Н. Н. Новосильцевѣ *).

Я зналъ гр. Николая Николаевича Новосильцева болѣе 30 лѣтъ, а съ 1825 года, по прибытіи моемъ въ Вильну (гдѣ я занялъ кафедру исторіи въ университетѣ) я находился въ непрерывныхъ съ нимъ сношеніяхъ почти до самой кончины его. Я неоднократно посѣщалъ его въ Слонимѣ и жилъ по нѣскольку дней въ его домѣ. Въ 1831 году многія семейства, въ томъ числѣ и наше, укрылись подъ его защитой въ Слонимѣ, гдѣ мы нѣсколько недѣль сряду каждый день видѣли его съ утра до ночи. Въ 1835 году, проѣзжая изъ Слонима въ Петербургъ, онъ остановился на нѣсколько дней въ Вильнѣ и все это время жилъ въ моей квартирѣ. Сверхъ того, встрѣчался я съ нимъ нерѣдко на официальныхъ и частныхъ обѣдахъ,

балахъ и вечерахъ. Но во всѣхъ моихъ встрѣчахъ, въ продолженіи всего этого времени, я никогда не видѣлъ его въ томъ безобразномъ видѣ, въ какомъ изображаетъ его г. Ципринусъ. По естественному теченію дѣлъ, эта несчастная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ съ лѣтами должна бы усиливаться, а не ослабѣвать; между тѣмъ я вошелъ въ сношенія съ Н. Н. позже г. Ципринуса, и въ продолженіи всего періода знакомства моего съ нимъ и при столь частыхъ свиданіяхъ, ни я, никто либо иной изъ находившихся въ нашемъ сообществѣ, не видали въ немъ и тѣни того что могло бы подать поводъ къ соблазну по этой части. Онъ ѣлъ и пилъ столько же, сколько и другіе, и не напивался до того, чтобы не имѣть возможности удержаться на ногахъ безъ чужой помощи. Я рассказывалъ о статьѣ г. Ципринуса многимъ изъ жителей Вильны, кои имѣли случай видѣть Новосильцева во время управленія его Виленскимъ учебнымъ округомъ, и спрашивалъ ихъ по совѣсти, видѣли-ль они когда нибудь его въ такомъ состояніи, въ какомъ описываетъ его авторъ статьи. Всѣ съ негодованіемъ отреклись и единогласно отвѣчали, что никогда его въ такомъ безобразіи не видали.

Взглянемъ же теперь на другія стороны этой замѣчательной личности, о которыхъ воспоминаніе такъ отрадно для знавшихъ Новосильцева, а еще болѣе для имѣвшихъ съ нимъ ближайшія сношенія. Въ этомъ случаѣ приходитъ мнѣ на умъ заключеніе одного знатока, описывавшаго картину Рафаэля, изображающую Юдией съ головою Оловерна. Исчисляя достоинства этой картины, онъ заключаетъ сужденіе свое слѣдующими словами: „Можно бы нѣсколько

*) Мы искренно благодарны П. В. Кукольнику за то, что онъ отозвался на приглашеніе наше, выраженное въ послѣсловіи къ статьѣ о Новосильцевѣ г-на Ципринуса (Р. Архивъ 1872, стр. 1760). И. Б.

„упрекнуть художника въ сухости пейзажа и въ разбросанномъ платьѣ, но великій характеръ Юдиен и голова, лежащая у ногъ ея, не дозволяютъ обращать на то вниманія.“ Вотъ какъ должно судить и о каждомъ необыкновенномъ человѣкѣ. Я не буду говорить о его дѣятельности и подвигахъ на поприщѣ государственной службы; они описаны подробно другими благомыслящими людьми, имѣвшими для этого подъ рукою болѣе матеріаловъ; представлю только то, что въ немъ такъ отрадно дѣйствовало на умы и сердца приближавшихся къ нему и чему я самъ такъ часто былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Каждый прїѣздъ его изъ Варшавы въ Вильну составлялъ праздникъ для цѣлаго Университета, съ тѣхъ поръ какъ это заведеніе перешло подъ его начальство. Въ многочисленныхъ собраніяхъ членовъ Университета, являвшихся къ нему по его прїѣздѣ, онъ не пропускалъ ни одного, чтобы не войти во всѣ подробности его занятій, спрашивалъ о пособіяхъ и недостаткахъ, успѣхахъ и препятствіяхъ по службѣ, и все это сопровождалъ такою кротостію, ласкою и любознательностію, что вопрошаемый могъ объясниться свободно и искренно и разставался съ нимъ съ уваженіемъ и благодарностію. Посѣщая прилежно лекціи преподавателей въ Университетѣ, Главной Семинаріи и даже въ Гимназіи, присутствуя на экзаменахъ въ этихъ заведеніяхъ, ободряя своимъ искреннимъ сочувствіемъ и ласковымъ обращеніемъ учащихся и обучающихся, онъ придавалъ новую жизнь ихъ дѣятельности. Во время пребыванія своего въ Вильнѣ, каждый день приглашалъ онъ къ своему обѣду профессоровъ, а послѣ обѣда велъ съ ними продолжитель-

ные диспуты по части преподаваемыхъ ими предметовъ, а людей спеціально занимавшихся какой либо наукой приводилъ въ удивленіе обширными въ ней свѣдѣніями, здравыми и основательными заключеніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ радовалъ свободнымъ, кроткимъ и ласковымъ съ ними обхожденіемъ. Приглашенные всегда разставались съ нимъ очарованные его привѣтливостію и добротою сердца. Никогда не видно было въ немъ ни спѣси, ни угрюмости, ни нетерпѣнія. Никогда, въ ученыхъ спорахъ, сопротивленіе его не ожесточало. Онъ не обнаруживалъ неудовольствія, когда кто защищалъ свое мнѣніе въ противность его мнѣнію, но велъ разговоръ такъ искусно, что противникъ его всегда долженъ былъ съ нимъ согласиться, не изъ подобострастія, а по убѣдительности его доказательствъ. Всякій кто только нуждался въ его помощи или совѣтѣ, имѣлъ свободный къ нему доступъ и никогда не жалѣлъ о томъ, что именно къ нему обратился.

Въ 1831 году, въ разгаръ мятежа въ Царствѣ Польскомъ и Сѣверозападномъ краѣ, нѣсколько Русскихъ семействъ считало не безопаснымъ пребываніе въ Вильнѣ, отъ мятежныхъ шаекъ, появившихся въ уѣздахъ Виленской губерніи. Н. Н. предложилъ имъ убѣжище въ Слонимѣ, куда и самъ отправился въ началѣ Марта, такъ какъ въ этомъ городѣ находились сильный отрядъ Русскихъ войскъ подъ командою генер.-маіора Станковича. Вскорѣ подъ его охрану укрылись жена и дѣти тогдашняго ректора Университета, и семейства: спасагося отъ Варшавскаго мятежа тамошняго коменданта генерала Левицкаго, профессора Вашкевича, бывшаго члена Радзивилловской комис-

сія Пузыревскаго, мое, полковницы Тимирязевой и другія, размѣстившіяся частію у предводителя Бронскаго, частію въ наемныхъ квартирахъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, всѣ эти семейства пользовались особенною его благосклонностію и покровительствомъ. Мы у него общидывали и проводили съ нимъ вечера до поздней ночи въ искреннихъ беседахъ; а когда умеръ отъ холеры генералъ Левицкій, Н. Н. помѣстилъ въ своемъ домѣ его вдову и дѣтей и окружилъ ихъ такимъ вниманіемъ и удобствами, какихъ не доставляютъ иногда самыя близкія и родственныя связи. Этихъ событій, кажется, было бы достаточно для того, чтобъ навсегда утвердить въ сердцахъ нашихъ память и благодарность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уваженіе къ имени благодѣтельнаго сановника. Между тѣмъ это не былъ единственный примѣръ въ продолженіи жизни Новосильцева. Я одинъ могъ бы представить ихъ немало, а что сказать о другихъ испытывшихъ его помощь и благосклонность?

Теперь слѣдуетъ намъ разъяснить дѣло о тайныхъ обществахъ, *Лугезарныхъ, Филаретовъ и Филоматовъ*. Открытіе и разоблаченіе этихъ обществъ вызвало множество толковъ, жалобъ и обвиненій отъ злонамѣренныхъ или нескѣдующихъ людей, кои старались представить Н. Н. въ самомъ отвратительномъ видѣ передъ публикою и правительствомъ, утверждая, что дѣло самое благонамѣренное и справедливое (!!), покровительствуемое учебнымъ начальствомъ, онъ представилъ „въ видѣ злоумышленія или „какого-то заговора, и воспользовался „съ жадностію случаемъ къ обвиненію Чарторійскаго, и къ тому на- „правилъ все производство слѣдствія.“

Г. Ципринусъ говоритъ между прочимъ, что появленіе карбонаризма въ Италіи и тугенбунда въ Германіи послужило поводомъ къ принятію строгихъ мѣръ въ Вильнѣ.

Во первыхъ, не для чего было Н. Н-чу прибѣгать къ этому средству для разоблаченія Чарторійскаго и открытія тайныхъ намѣреній его. Случаевъ къ тому онъ имѣлъ довольно и прежде того и пользовался имъ добросовѣстно и дѣятельно. Онъ давно проникъ его совершенно, ставилъ преграды его кознямъ въ Царствѣ Польскомъ, сколько могъ, и увѣдомлялъ обо всемъ Цесаревича, который къ сожалѣнію не вполне довѣрялъ ему, не желая допустить мысли, чтобы Поляки за его къ нимъ любовь и благодѣянія, оказанныя Царству Польскому, могли отплатить гнусною неблагодарностію. Послѣдствія оправдали предусмотрительность Н. Н-ча. Во вторыхъ, не за чѣмъ ссылаться на карбонаризмъ и тугенбундъ, кои якобы послужили поводомъ къ принятію строгихъ мѣръ въ Вильнѣ. Въ Царствѣ Польскомъ возникъ своего рода карбонаризмъ, не имѣвшій ничего общаго съ Италіанскимъ и Нѣмецкимъ.

Въ 1819 году составилось въ Варшавѣ тайное общество, имѣвшее цѣлію возстановленіе независимости Польши. Учредителями его были майоръ Лукасинскій, подполковникъ Вѣржболовичъ, судья Мохнацкій и адвокатъ Шредеръ. Число членовъ умножалось непрерывно. Вскорѣ въ Варшавѣ учрежденъ Центральный Комитетъ, разсылавшій своихъ агентовъ по Царству Польскому и западнымъ губерніямъ Россіи. Агенты эти учреждали частныя кружки, набирали новыхъ членовъ, и дѣйствія ихъ были столь успѣшны, что въ 1822 году число злоумышленниковъ

возросло до 5 т. человекъ. Бдительность и провицательность Новосильцева открыли слѣды этого сборища. Не выпуская ихъ изъ виду, онъ наконецъ успѣлъ обнаружить ихъ тайну. Виновные отданы были подъ судъ и получили достойное воздаяніе.

Розысканія, произведенныя надъ заговорщиками въ Царствѣ Польскомъ, открыли слѣды составленія тайныхъ обществъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи. Этотъ-то предметъ нужно намъ разъяснить подробнѣе, чтобы убѣдиться въ чистотѣ намѣреній Н. Н-ча и правильности его дѣйствій. Г. Циприанусъ, описывая это происшествіе, присовокупляетъ: „Я это говорю по слухамъ и на основаніи того, что по показанію Слѣдственной Коммиссіи было ею обнаружено“. Я находился въ Вильнѣ именно тогда, когда производилось слѣдствіе, а послѣ вступленія моего въ службу въ этомъ городѣ былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ не только съ членами Слѣдственной Коммиссіи, но и со многими членами упомянутыхъ обществъ, и получалъ самыя вѣрныя свѣдѣнія о намѣреніи и цѣли принадлежавшихъ къ нимъ лицъ. Но не хочу представлять себя одного въ доказательство вѣрности моихъ показаній, а буду руководствоваться показаніемъ такого писателя, который самъ былъ членомъ одного изъ такихъ обществъ, принималъ дѣятельное участіе въ мятежѣ 1831 года, вышелъ съ остатками мятежной арміи за границу, и тамъ уже обнаружены его Записки, сначала въ Парижѣ, а потомъ въ Познани *). Описывая возстаніе Поляковъ въ 1830 и 1831 годахъ, онъ, не стѣсняясь ничѣмъ, представляетъ всѣ обстоя-

тельства, служившія подготовленіемъ къ этому возстанію, слѣдственно изображаетъ въ настоящемъ свѣтѣ намѣренія основателей и членовъ общества, побудительныя причины и цѣль ихъ существованія. Если бы дѣйствія Н. Н-ча были несправедливы, если бы онъ доискивался чего нибудь несуществовавшего, то такой писатель какъ Мохнацкій не упустилъ бы случая обнаружить это обстоятельство передъ публикою въ своемъ сочиненіи, наполненномъ желчію и дышащимъ ненавистію противу всего Русскаго. Но онъ не говорить объ этомъ ни слова. Напротивъ того, онъ изображаетъ намѣренія и цѣль составленія обществъ именно въ такомъ видѣ, какъ понялъ и обнаружилъ ихъ Николай Николаевичъ. Приведемъ отрывокъ его повѣствованія объ этомъ предметѣ въ переводѣ. Авторъ говоритъ о Запѣ, учредителѣ тайныхъ обществъ въ Виленьскомъ Университетѣ *). „Изучивши Физикъ и Математику, онъ постоянно посѣщалъ лекціи „профессоровъ за тѣмъ только, чтобы „быть въ Университетѣ; а быть въ „Университетѣ хотѣлъ за тѣмъ, чтобы „чему нибудь болѣе нежели Физикъ и Математикъ научить юношество, котораго, какъ самый старшій „студентъ, зналъ почти цѣлыя два „поколѣнія. Когда должно совершиться „чему нибудь важному въ Исторіи, Провидѣніе народовъ обыкновенно высылаетъ такихъ людей какъ „Зант (?!), чтобы они были предтечами „необыкновенныхъ событій, распространителями великихъ идей, дѣйствующими великихъ преобразованій (!!) По мнѣнію Зана, Университетъ не былъ святилищемъ од-

*) Mochnacki. Powstanie Narodu Polskiego. Т. II.

*) Тамъ же, стр. 218.

„нихъ наукъ, а Алгебра не составляла послѣдняго предѣла, за которымъ не остается уже никакого дѣла. Неужели изъ этихъ жизненныхъ силъ студентовъ невозможно было вывести ничего для Польши? Занъ крѣпко ухватился за эту мысль, рѣшился привести ее въ исполненіе и исполнилъ такъ счастливо, что пока будетъ существовать Литва, пока не угаснутъ въ этомъ краѣ мужество и любовь къ отечеству, будутъ существовать и плоды стараний Зана.“

Эти нѣсколько строкъ уже явственно обнаруживаютъ, какія были намѣренія Зана, когда онъ приступалъ къ составленію предполагаемаго общества. Но послушаемъ далѣе разсказъ, и настоящіе виды Зана будутъ для насъ еще яснѣе.

„Въ 1819 году Занъ составилъ между студентами нравственное, патристическое и ученое общество, котораго членамъ далъ названіе *Лучезарныхъ* (promienistych). Семь классовъ общества представляли семь лучей, составляющихъ солнечный свѣтъ. Таково начало революціи не только въ нравахъ, но и въ самой новѣйшей Польской литературѣ, которую одинъ изъ *Лучезарныхъ* (Мяпкевичъ) сдѣлалъ поэтической, оригинальною и великою, какою она никогда не была, и въ которой также одинъ изъ пріятелей Зана (Лелевель), историкъ и историческій критикъ, приобрѣлъ имя, влияніе и силу, столь громкія потомъ въ народномъ возстаніи“.

Кто же, прочитавъ эти строки, не увидитъ главнаго намѣренія Зана и его сообщниковъ? А между тѣмъ открытіе этого общества и неизбѣжное изслѣдованіе его дѣйствій вызвало объ Н. Н-чѣ въ публикѣ самые не-

справедливые и даже обидные отзывы. Дальнѣйшее описаніе этого событія будетъ составлять извлеченіе изъ Записокъ Мохнацкаго. Его разсказъ, или лучше сказать сознаніе, будетъ лучше свидѣтельствовать о дѣйствительности преступныхъ намѣреній Зана и его сообщниковъ, нежели догадки и заключенія, основанныя на слухахъ и даже на открытіяхъ Слѣдственной Коммиссіи.

Видимая цѣль этого общества состояла яко бы въ томъ, чтобы утвердить между членами правила нравственности, возбудить въ нихъ любовь къ наукамъ, оживить ихъ прилежаніе и умственную дѣятельность и оказывать бѣднымъ и неимѣющимъ особенныхъ способностей ученикамъ какъ матеріальную, такъ и умственную помощь. „Занъ“, говоритъ Мохнацкій, „разумомъ бѣдныхъ поддерживалъ богатыхъ, а имуществомъ богатыхъ поддерживалъ бѣдныхъ.“ Но это была только одна сторона медали. Она одна только показываема была учебному начальству, которое, не видя въ ней ничего предосудительнаго, не препятствовало распространенію и успѣхамъ Общества. Другая, тайная цѣль, скрытая отъ начальства, извѣстна была Зану и его тайному совѣту, состоявшему изъ такъ называемыхъ *Филаретовъ*. Впрочемъ, если не всѣ, то большая часть Лучезарныхъ легко могли догадаться, въ чемъ состояло дѣло. У многихъ изъ нихъ появились маленькія бібліотеки, состоявшія изъ невиданныхъ до толѣ Польскихъ книгъ, переходившихъ непрерывно изъ рукъ въ руки и которыя они читали съ увлеченіемъ. Встрѣчались между ними такіе, кои собственноручно и цѣликомъ переписывали сочиненія: *о составленіи конституціи 3-го Маія и упадкѣ*

ей, и т. п. Появились во множествѣ патріотическія стихотворенія, какъ новыя, такъ и старыя, выведенныя изъ забвенія. Студенты переписывали ихъ безпрестанно и заучивали наизусть. Все это направляла невидимая рука Зана.

Движеніе и дѣятельность Лучезарныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбужденный Заномъ энтузіазмъ, примѣтно усилились съ 1821 года, когда каведру Исторіи занялъ Лелевель, а Философіи—Голуховскій. Оба приняты были обучавшимся юношествомъ съ величайшимъ восторгомъ. Безчисленное множество слушателей, въ числѣ коихъ находились и дамы, наполняли аудиторіи. Въ особенности Лелевель, излагая событія, относящіяся къ судьбѣ Польши, увлекалъ слушателей до такой степени, что они, забывая о мѣстѣ и приличіи, неоднократно отвѣчали ему громкими рукоплесканіями, какъ въ театрѣ. Популярность Лелевеля въ частныхъ сношеніяхъ со студентами содѣйствовала еще болѣе намѣреніямъ Зана, нежели громкія его лекціи. При такомъ состояніи можно было легко предвидѣть, какой исходъ будутъ имѣть намѣренія Зана и учрежденнаго имъ Общества. Тотъ же Мохнацкій, который съ такою откровенностію описываетъ всѣ приготовленія къ вспыхнувшему потомъ возстанію, говоритъ между прочимъ: „Современни вступленія (въ Университетъ) Лелевеля и Голуховскаго, новый духъ въ Университетѣ былъ нѣкоторымъ образомъ теоретическимъ выраженіемъ нравственнаго и патріотическаго стремленія Лучезарныхъ, которые предугадывали его въ своемъ сердцѣ и приготовили умы къ этому „перевороту“.

Горячка, привитая Заномъ Виленскому обучающемуся юношеству, не могла обойтись безъ припадковъ, кои обнаружили ея существованіе даже предъ такими людьми, которые во-всѣ не имѣли намѣренія участвовать въ безразсудныхъ замыслахъ. Между профессорами Виленскаго Университета находились благонамѣренные люди, кои, не смотря на Польское свое происхожденіе, были вѣрными долгу службы и не терпѣли сумасбродныхъ затѣй, угрожавшихъ не только чести заведенія, но даже спокойствію края. У нетерпѣливой молодежи, руководимой Заномъ, вырывались иногда вовсе недвусмысленныя выраженія, которыя могли внушать справедливыя подозрѣнія и не весьма дальновиднымъ. Основательные люди тотчасъ это замѣтили и рѣшились истребить зло въ самомъ его началѣ. Въ 1822 году профессоръ Математики Вырвичъ подалъ Чарторійскому допесеніе, въ которомъ убѣдительно доказывалъ, что составленное Заномъ Общество имѣетъ вовсе не ту цѣль, какую имѣло въ виду учебное начальство, но что члены его имѣютъ другое тайное, противузаконное стремленіе, которое непременно должно открыть и изслѣдовать. Между прочимъ въ допесеніи своемъ онъ упоминалъ, что кромѣ общества *Лучезарныхъ*, извѣстнаго учебному начальству, составилось отдѣленіе тайное, политическое, подъ названіемъ *Филаретовъ*, и что этимъ отдѣленіемъ управляло нѣсколько лицъ подъ именемъ *Филоматовъ*. Чарторійскій очень хорошо зналъ это стремленіе и цѣль общества; но какъ допесеніе Вырвича подано ему было офиціально, то онъ и не могъ оставить его безъ вниманія. А потому, чтобы съ одной стороны удовле-

творить долгу службы, а съ другой укрыть Зана и его сообщниковъ отъ изысканія, и чрезъ то не остановить ихъ дѣйствій (столь согласныхъ съ тайными его замыслами) онъ поручилъ изслѣдованіе этого дѣла протессору ветеринарнаго искусства Боянусу. Послѣдствіе его рѣшенія Чарторійскій очень хорошо предвидѣлъ. Боянусъ, какъ иностранецъ, мало интересовался судьбою Польши, а какъ человѣкъ преданный своей наукѣ мало имѣлъ способностей для произведенія судебного изслѣдованія: а потому онъ довольствовался только поверхностнымъ изслѣдованіемъ дѣла и единогласными показаніями студентовъ, приготовленныхъ къ тому Заномъ, и представилъ Чарторійскому, что обстоятельство это не заслуживаетъ никакого вниманія. Это рѣшеніе вполне удовлетворило Чарторійскаго, а Зану и его сообщникамъ придало новыя силы и бодрость къ продолженію ихъ затѣй. Однакожъ Занъ, опасаясь дальнѣйшихъ изслѣдованій, которыя могли бы произвести люди опытные Боянуса и болѣе свѣдущіе въ слѣдственныхъ дѣлахъ, созвалъ чрезвычайное засѣданіе, распустилъ Филаретовъ и Филатовъ, сжегъ всѣ бумаги, могущія дать какую нибудь идею объ ихъ существованіи и цѣли, и обязалъ всѣхъ членовъ присягою въ сохраненіи тайны.

Отсюда выходитъ самый естественный вопросъ: зачѣмъ жечь бумаги, если въ нихъ не было ничего предсудительнаго? Зачѣмъ обязывать присягою къ сохраненію тайны, если не было злаго намѣренія? Однакожъ сдѣлано то и другое, какъ свидѣтельствуемъ Мохначкій.

Вѣсти, полученныя Новосильцевымъ изъ Вильны о слѣдствіи, произведенномъ Боянусомъ, заставили его вы-

требовать все дѣлопроизводство по этому предмету къ себѣ. Разсмотрѣвъ внимательно бумаги, относящіяся къ дѣлу, онъ тотчасъ проникъ всю небрежность и недостатки изслѣдованія и рѣшился самъ возобновить его. Вскорѣ представился къ тому и случай.

Не смотря на предосторожность Зана, университетское юношество, послѣ неудачнаго изслѣдованія Боянуса, сдѣлалось смѣлѣе и не скрывало своихъ задушевныхъ идей. Въ громкихъ ихъ разговорахъ, даже въ присутствіи постороннихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ ихъ кругу, выражались такія выраженія, которыя могли бы возбудить подозрѣніе и не въ дальновидныхъ людяхъ. Наконецъ 3-го Маія 1823 г., ученикъ гимназіи Михаилъ Плятеръ написалъ въ классѣ мѣломъ на доскѣ: „Да здравствуетъ конституція 3-го Маія.“ Такъ пишетъ объ этомъ событіи Мохначкій. По свидѣтельству же очевидцевъ, Плятеръ написалъ на доскѣ слѣдующія слова: „Сегодня день конституціи 3-го Маія. Поляки! Возстаньте для защиты великаго вашего дѣла.“ Учитель Русскаго языка Островскій донесъ о томъ военному губернатору Римскому-Корсакову, а тотъ уведомилъ Великаго Князя, который для изслѣдованія этого дѣла послалъ въ Вильну Новосильцева.

Нѣтъ сомнѣнія, что не поступокъ несовершеннолѣтняго ученика заставилъ Островскаго обратиться съ донесеніемъ къ военному губернатору. Учебное начальство могло бы легко на мѣстѣ обуздать своеволие мальчика и не оставить никакихъ слѣдовъ его неумѣстной выходки, еслибъ это былъ только случайный примѣръ обыкновенной шалости и вѣтренности. Но поступокъ этотъ былъ проявле-

ніемъ общаго духа всего тогдашняго обучающагося юношества. Островскій имѣлъ случай многократно видѣти примѣры своевольства и дерзости между обучающимися и слышать вовсе недумосмысленныя выраженія на счетъ ихъ намѣреній и надеждъ. Направленіе умовъ юношества было слишкомъ явственно; но нельзя же было идти съ донесеніемъ, основываясь на вѣсколькихъ словахъ, произнесенныхъ, какъ сказали бы тогда, безъ умысла и отъ которыхъ очень легко могъ бы отказать виновный. А потому онъ воспользовался первымъ случаемъ, когда эти чувства выразились публично, въ классѣ, въ глазахъ учебнаго начальства, не опасаясь его надзора и взысканія. Голосъ большей части Виленской публики осуждалъ Островскаго, но послѣдствіи оправдали его совершенно.

Новосильцевъ, по прибытіи въ Вильну, скоро обнаружилъ источникъ существовавшаго между учениками духа. Слѣдствіемъ его розысковъ было то, что пятеро взрослыхъ гимназистовъ исключены были изъ заведенія. Великій Князь простеръ свою строгость далѣе, приказавъ записать ихъ въ солдаты. Потомъ Новосильцевъ занялся дѣломъ Филаретовъ. Въ квартирѣ университетскаго студента Янковскаго найденъ списокъ членовъ какого-то якобы литературнаго и нравственнаго общества. Подозрѣніе пало на многихъ. Они были арестованы, а въ числѣ ихъ Янковскій и Занъ. Послѣдній сначала упорно ствергалъ явныя обвиненія и увѣрялъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Но Янковскій открылъ все, что ему было извѣстно о Филаретахъ. Арестованы были Чечотъ, Іезовскій и Мицкевичъ, а потомъ, вслѣдствіе показаній Янковскаго, взяты подъ стра-

жу всѣ Филареты и Филоматы и заключены въ Базиліянскомъ монастырѣ. Занъ, видя, что нѣтъ надежды воспрепятствовать открытію истины, вздумалъ сыграть роль героя, рѣшился принять на себя одного всю отвѣтственность и привести себя въ жертву за всѣхъ. Онъ объявилъ откровенно передъ Новосильцевымъ всѣ предначертанія и дѣйствія Филаретовъ, по къ этому прибавилъ, что онъ одинъ только былъ изобрѣтателемъ этого намѣренія и главою Общества, а потому просилъ, чтобы въ него одного обращено было взысканіе. Несвоевременное признаніе и мнимое великодушіе Зана не воспрепятствовали обратить взысканіе на тѣхъ, кои особенно раздѣляли съ нимъ чувства и идеи и ревностно содѣйствовали успѣхамъ въ его предпріятіи. Одинадцать Филоматовъ и девять Филаретовъ разосланы были въ разныя внутреннія губерніи. Въ числѣ ихъ находились Мицкевичъ и Чечотъ.

Эти изслѣдованія и осужденіе виновныхъ возбудили противу Новосильцева жесточайшую ненависть между Поляками, наполнившими западный край. По случаю производства этого дѣла, клевета приписывала ему самыя адскія предначертанія. Всѣ его поступки представлены въ отрывательномъ видѣ, съ примѣсю непростительной лжи. Къ этому Поляки присоединяли несмысленное заключеніе, что своею хитростію и несправедливостію противъ *невинныхъ* дѣтей, онъ хотѣлъ только выслужиться (!!) передъ нашими правительствомъ и похвастать своею смѣтливостію и дальновидностію, какъ будто успѣхъ въ этомъ изслѣдованіи могъ что нибудь прибавить къ его власти, значенію и вліянію на госу-

дарственные дѣла, которыя онъ давно уже пріобрѣлъ своимъ широкимъ умомъ, многолѣтнею службою, великимъ характеромъ, безчисленными и важными услугами Отечеству. Чтобы доказать неосновательность такого заключенія, нужно разрѣшить одинъ вопросъ, а именно: справедливы ли были показанія студентовъ во время производимаго надъ ними слѣдствія? Шляхта западнаго края утверждала, что эти показанія были вынуждены слишкомъ строгими мѣрами, употребленными Новосильцевымъ при слѣдствіи. Но прошло не болѣе 10 лѣтъ, какъ за границу появились брошюры, составленныя Польскими выходцами по усмиренію мятежа 1831 года и напечатанныя въ Лейпцигѣ, Парижѣ, Познани и другихъ мѣстахъ. Сочинители ихъ, участвовавшіе сами въ составленіи тайныхъ обществъ, описываютъ со всѣми подробностями и откровенностію всѣ тѣ событія, которыя служили подготовленіемъ къ мятежу. Между прочимъ, упоминая о дѣйствіяхъ Зана и его сообщникахъ, они представляютъ ихъ совершенно согласно съ показаніями Виленскихъ студентовъ на допросахъ во время слѣдствія. Изъ этого нельзя не вывести самаго естественнаго заключенія, что эти показанія были справедливы. А если были справедливы, то въ чемъ же тутъ обвинять Новосильцева? Развѣ только въ томъ, что онъ открылъ истину? Если существовало злоумышленіе, то открытіе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать осужденію.

Поляки отвѣчали ненавистью, клеветами и сарказмами на дѣйствія Новосильцева, котораго дальновидный умъ угадывалъ ихъ замыслы и предупреждалъ ихъ исполненіе. И это естественно: они не могли любить

человѣка, который, на всякомъ шагѣ, ставилъ преграды къ исполненію ихъ намѣреній. Но оскорбительно для сердца Русскаго то, что эти клеветы и эти сарказмы повторяемы были нѣкоторыми изъ Русскихъ, такъ какъ будто бы они имѣли самыя подробныя и вѣрныя свѣдѣнія о состояніи западнаго края. Конечно Поляки имѣли агентовъ своихъ во всей Россіи, въ особенности въ двухъ столицахъ. Многие изъ нихъ, находясь долго въ Русской службѣ, успѣли войти въ ближайшія сношенія съ Русскими, вкрались къ нимъ въ дружбу и, передавая имъ вѣсти полученныя изъ западнаго края, легко могли увѣрить ихъ, что Поляки не могли дойти до такого ослѣпленія, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ искать содѣйствія и поддержки въ ограниченномъ числѣ недоученыхъ и даже несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ. Довѣренность сердецъ чуждыхъ лукавства могла согласиться съ мнѣніемъ обольстителей. Во всякомъ случаѣ это была важная обida для государственнаго мужа, котораго намѣренія были чисты, а дѣйствія безукоризненны.

Чтобы справедливо оцѣнить важность этихъ дѣйствій, довольно обратить вниманіе на послѣдствія появленія Зана въ Университетѣ. По примѣру Лучезарныхъ начали составляться тайныя общества и въ другихъ училищахъ Виленскаго округа. Члены этихъ обществъ, не имѣя руководителей, кои могли бы сравниться въ хитрости и осторожности съ Заномъ, слишкомъ рано обнаружили свои стремленія и чрезъ то подвергали себя заслуженному взысканію. Наконецъ въ Кейданскомъ училищѣ составленъ заговоръ на жизнь Великаго Князя. Одинъ изъ учениковъ взялъ на себя исполненіе этого пре-

ступнаго замысла. Онъ хотѣлъ подать просьбу Великому Князю во время проѣзда его въ Петербургъ и, во время чтенія этой просьбы, застрѣлить его. Намѣреніе это было открыто. Виновный, будучи допрашиваемъ самимъ Великимъ Княземъ, сознался передъ нимъ во всемъ безъ всякаго принужденія, даже съ дерзостію отъявленнаго злодѣя. Онъ сосланъ былъ въ каторжную работу, а Кейданское училище закрыто.

Но что меня болѣе всего удивило въ статьѣ г. Ципринуса, это важный хронологическій промахъ, который, въ строгомъ и слѣдующемъ читателѣ могъ бы возбудить подозрѣніе въ незнаніи авторомъ статьи дѣла, за которое онъ взялся. Г. Ципринусъ, описавъ по своему дѣлу о тайныхъ обществахъ въ Университетѣ, вдругъ послѣ этого говоритъ: „Виленскій Университетъ былъ закрытъ и потомъ преобразованъ въ Медицинскую Академію“. Между тѣмъ именно съ того времени начался самый блистательный періодъ существованія Виленскаго Университета. Новосильцевъ, принявъ въ свои сильныя руки это заведеніе, приступилъ къ преобразованію его во всѣхъ частяхъ: учебной, нравственной, административной, даже до обновленія и украшенія зданій Университета. Эти преобразованія могли бы составить отдѣльную обширную статью, а потому я не буду подробно исчислять ихъ. Скажу только, что они имѣли благотворное вліяніе на порядокъ въ управленіи заведеніемъ, на успѣхи по части учебной, и на нравственность юношества. Доказательствомъ, что сама публика убѣдилась въ пользѣ этихъ преобразованій, неоспоримо служить то, что въ продолженіи попечительства Новосильцева число поступа-

вшихъ въ Университетъ безпрестанно увеличивалось, а въ послѣдніе годы доходило до 1800 человекъ. 25-го Іюня 1828 года празднованъ былъ въ Вильнѣ 250-ти лѣтній юбилей со времени основанія Академіи, съ такимъ торжествомъ, какого заведеніе это никогда не видало. Весь этотъ періодъ со времени назначенія Н. Н. Новосильцева попечителемъ Виленскаго учебнаго округа до закрытія Университета, выпущенъ г-мъ Ципринусомъ, вѣроятно съ умысломъ, чтобы не сказать чего нибудь въ пользу Н. Н., котораго проницательный умъ, необыкновенныя способности и твердость характера, именно въ это время обнаружили съ всею силою. Бдительное его око не пропустило изъ виду обучавшагося юношества, какъ бы предвидя тѣ грустныя событія, которыя могли бы подвергнуть его опасности, еслибъ система Зана существовала, кольми паче, еслибъ утвердилась въ Университетѣ. Въ смутное время, въ концѣ 1830 и началѣ 1831 года, когда находились въ сильномъ броженіи умы жителей западнаго края, онъ сохранилъ обучавшееся юношество въ такой сдержанности, что злоумышленники не имѣли никакой возможности рассчитывать на его содѣйствіе.

Не могу не упомянуть объ одномъ его распоряженіи, которое обратило на себя милостивое вниманіе Государя Императора и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно свидѣтельствуетъ о той любви и преданности, какія питали члены Университетскаго Совѣта къ своему достойному начальнику. Это случилось ввечеру 5-го Декабря 1830 года. Деканы, профессоры и адъюнкты Университета собрались къ нему для поздравленія его съ наступающимъ днемъ ангела. Н. Н. принялъ ихъ,

какъ всегда, благосклонно и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Вы пришли поздравить меня съ днемъ ангела. Я вамъ очень благодаренъ. Но вы ошиблись: день моихъ именинъ не завтра, а въ Маѣ мѣсяцѣ. Но я очень радъ, что вижу васъ всѣхъ вмѣстѣ и хочу посовѣтоваться съ вами на счетъ одного обстоятельства, которое васъ, какъ ближайшихъ руководителей университетскаго юношества, должно занимать столько же, сколько и меня. Въ городѣ носятъ слухи, что ученики вооружаются, въ намѣреніи содѣйствовать видамъ злоумышленниковъ. На насъ лежитъ обязанность предупредить зло, если оно дѣйствительно существуетъ, или увѣрить жителей города въ неосновательности этихъ слуховъ. Я полагаю, что лучше всего вамъ самимъ заняться этимъ дѣломъ. Возмите съ собой университетскую полицію. Она укажетъ вамъ мѣсто жительства каждаго студента. Отберите отъ нихъ оружіе, какое найдете. Если распространившіеся слухи имѣютъ основаніе, вы упредите безразсудное покушеніе, которое имъ самимъ предвѣщаетъ одни горестныя послѣдствія, и они будутъ знать, что намѣренія ихъ извѣстны начальству, которое не выпускаетъ ихъ изъ виду и слѣдитъ за ихъ дѣйствіями. Если же не найдете ничего, или какуюнибудь бездѣлицу, тогда жители города убѣдятся въ неосновательности разнесшихся слуховъ.“

Всѣ присутствовавшіе отвѣчали изъясненіемъ готовности своей исполнить предложеніе Н. Н-ча. Тотчасъ, въ этомъ же собраніи, раздѣлили городъ на кварталы, и каждый изъ профессоровъ, выбравъ такую часть города, которая была для него удобнѣе по мѣсту его жительства, отправился

на поиски въ сопровожденіи подт-пн-спектора. 80-ти лѣтній старецъ Малевскій, бывший ректоръ, а въ то время деканъ юридическаго факультета, посвятившій 44 года жизни служенію Университету, не хотѣлъ отстать отъ прочихъ и, несмотря на свои лѣта и слабосиліе, съ усердіемъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ другими. Н. Н., въ сопровожденіи ректора Университета, инспектора и экзекутора, ходилъ также въ эту ночь по городу и, встрѣчая своихъ подчиненныхъ, исполнявшихъ съ такимъ усердіемъ его распоряженіе, ободрялъ ихъ и спрашивалъ объ успѣхахъ въ ихъ поискахъ. На другой день припесены были въ его помѣщеніе отобранныя 280 штукъ разнаго оружія, какъ то ружья, пистолетовъ, сабель и т. п. Все это отослано было тотчасъ въ Виленскій арсеналъ *). Государь Императоръ одобрилъ всѣ распоряженія Н. Н. и высочайше повелѣтъ созволилъ всѣхъ участвовавшихъ въ этой экспедиціи представить къ наградамъ. Старецъ Малевскій пожалованъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Въ Вильнѣ усилилась холера. Тогдашніе врачи сочли ее заразительною и полагали опасными собранія студентовъ въ аудиторіяхъ. По предложенію военнаго губернатора Храповицкаго, аудиториі были закрыты, а студенты, будучи распущены, вышли изъ подъ надзора университетской полиціи. Большая часть изъ нихъ возвратилась на мѣста жительства, и многіе изъ нихъ, увлекшись примѣромъ своихъ родственниковъ, отправились въ мятежныя шайки.

*) Студенты по первому требованію профессоровъ выдали безпрекословно все находившееся при нихъ оружіе, а потому происшествіе это не имѣло для нихъ никакихъ неблагоприятныхъ послѣдствій.

Разсказъ Ципринуса о романѣ Новосильцева съ молодою вдовою по моему мнѣнію, составляетъ предметъ столь мелочный и неважный для печати, что я не хочу даже брать на себя труда къ его разъясненію. Спрошу только автора статьи, что онъ нашелъ страннаго и неестественнаго въ томъ, что старому человѣку могла понравиться молодая прекрасная женщина? Какая могла быть отъ того бѣда государственная и даже частная? И стоило ли помрачать имя заслуженнаго человѣка за то, въ чемъ каждый изъ насъ, можетъ быть, виновнѣе передъ Богомъ и своею совѣстію? Я находился тогда въ Вильнѣ въ продолженіи всего этого (какъ говорили тогда) сватовства, видѣлъ Н. Н-ча многократно вмѣстѣ съ княгинею въ публичныхъ и частныхъ собраніяхъ и никогда не примѣтилъ въ его поведеніи ничего неприличнаго и могущаго подать поводъ къ соблазну. Что же касается до обвиненія его по этому поводу въ апатіи и пренебреженіи дѣлъ по службѣ, съ присовокупленіемъ, что *онъ былъ подѣ туфлей Коммиссіи*, что *ему было тогда не до того*,—это клевета. Никакое развлеченіе не препятствовало ему заниматься дѣлами по службѣ. Именно дѣло о тайныхъ обществахъ онъ велъ самъ, вникая во всѣ его подробности до самаго его окончанія.

Впрочемъ Н. Н. подвергся общей участи великихъ людей, на которыхъ люди ничтожныя, не имѣвшіе ни дарованій, ни заслугъ, бросали грязь по внушенію самыхъ низкихъ страстей. Никогда не сыпалось на него столько клеветы, упрековъ, обвиненій, какъ по усмиреніи мятежа 1831 года. Прибывшіе въ Вильну новыя Русскіе чиновники по разнымъ частямъ управленія, слушая сплетни

бабъ и отъявленныхъ непріятелей всего Русскаго, кои видѣли неудачу въ преступныхъ своихъ замыслахъ и хотѣли покрайней мѣрѣ излить свою злость на того, кто на всякомъ шагу ставилъ преграды ихъ коварству и вѣроломству, передавали собранныя этимъ путемъ вѣсти своему начальству и даже осмѣливались помѣщать ихъ въ своихъ всеподданическихъ рапортахъ Государю Императору Николаю I. Но этотъ дальновидный и проницательный монархъ не дозволилъ обольстить себя лживыми доносами. Принятыя имъ мѣры къ открытію истины, а еще болѣе заграничныя газеты и брошюры обнаружали дѣла въ настоящемъ ихъ свѣтѣ и убѣдили его въ правильности и безукоризненности дѣйствій Новосильцева. Онъ удостоилъ его своей довѣренности и вниманія и, по кончинѣ князя Кочубея, назначилъ его предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, а спустя годъ возвелъ въ графское достоинство.

Г. Ципринусъ, въ своей статьѣ, вспоминаетъ о *безвѣріи* Новосильцева. Правда, что Новосильцевъ не показывалъ той наружной набожности, подъ которой часто скрываются лукавство и другіе пороки; но я бывалъ неоднократно свидѣтелемъ изліянія задушевныхъ его идей не только въ откровенной бесѣдѣ его съ приближенными лицами, но въ диспутахъ съ Рим.-Католическимъ духовенствомъ, когда онъ убѣдительно обнаруживалъ глубокое уваженіе къ имени и подвигу Іисуса Христа, вѣру въ правосудіе Божіе и въ искупительную жертву Сына Божія. Въ этомъ еще болѣе увѣрили меня его здравыя и умныя сужденія о Гельвеціѣ, Спинозѣ, Вольтерѣ, Вольтнеѣ и имъ подоб-

ныхъ, и торжественныя опроверженія ихъ богопротивныхъ идей. Никогда не позволялъ онъ себѣ не только кощунства, но даже шутки надъ священными предметами. А что онъ не пренебрегалъ и наружнымъ богопочитаніемъ, въ этомъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ то, что, будучи въ Слонимѣ, гдѣ тогда не было Православной церкви, онъ по воскресеньямъ ходилъ въ Уніятскую, чтобы (какъ онъ самъ говорилъ) слушать прославленіе имени Божія на родномъ языкѣ.

Относительно Еврейской рекрутчины и взятыхъ якобы Н. Н.-чемъ 20000 червонцевъ, я не могу сказать ничего опредѣлительнаго, потому что я никогда не былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Жидами; но я жилъ во все это время, когда составлялся этотъ проэктъ и послѣдовалъ указъ, въ Вильнѣ, въ самомъ средоточіи жидовства, и еслибъ существовало что нибудь подобное, то невозможно, чтобы кто нибудь изъ нихъ о томъ не проговорился. Но ви я, никто либо изъ жителей здѣшняго края и намека на это обстоятельство не слышалъ. Недоброжелателей у Н. Н.-ча въ здѣшнемъ краѣ было довольно, и извѣстно по какой причинѣ, и еслибъ передъ ними хоть одинъ Жидъ проговорился, то поспѣшили бы тотчасъ передать эту вѣсть пѣлому краю. А этого не было. А потому, какъ г. Ципринусъ представляетъ въ этомъ случаѣ въ доказательство себя, приводя разговоръ свой съ Мордухомъ, то и я представляю въ такое же доказательство себя, утверждая по совѣсти, что объ этомъ происшествіи до появленія статьи г. Ципринуса я ничего не слышалъ.

Теперь остается намъ разъяснить послѣднее обстоятельство, помѣщен-

ное въ статьѣ г. Ципринуса, о порубкѣ казеннаго лѣса въ Слонимской экономіи. Считаю нужнымъ войти въ этомъ случаѣ въ нѣкоторыя подробности, потому что это обстоятельство изложено г. Ципринусомъ вполне невѣрно. Мнѣ лучше, нежели кому либо, извѣстны всѣ подробности этого дѣла, потому что стрѣлы противной стороны обращены были не противу Н. Н., а противъ брата моего Платона, которому дана была довѣренность привести распоряженіе о томъ въ исполненіе. Вотъ по какому случаю возникло это дѣло.

Вскорѣ послѣ пожалованія Н. Н.-чу Слонимской экономіи, состоялся высочайшій указъ, коимъ Государь Императоръ Александръ І-й подарилъ Н. Н.-чу 50000 корней, которые позволилъ вырубить въ казенныхъ лѣсахъ. Что такой высочайшій даръ пожалованъ былъ ему не для построекъ, доказывается тѣмъ, что въ Слонимской экономіи онъ возводилъ вездѣ каменные строенія, слѣственно не имѣлъ нужды въ лѣсѣ, развѣ только на балки и стропила, на что не нужно было такого громаднаго количества бревенъ. Такъ какъ такого количества деревъ невозможно было вырубить одновременно, то рубили исподоволь и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, по ассигновкамъ Казенной Палаты; вырублено было 35.000 корней. Дерево это отдаваемо было въ полное распоряженіе экономіи, и никто не думалъ о томъ, чтобы препятствовать этой порубкѣ или возбуждать какое либо подозрѣніе. Всѣмъ было извѣстно, что это производилось съ высочайшаго разрѣшенія и что Н. Н. имѣлъ на то неотъемлемое право. Оставалось еще вырубить 15.000 корней. А потому въ 1836 году братъ мой, по до-

вѣренности Н. Н-ча, подавъ прошеніе въ Гродненскую Казенную Палату о дозволеніи вырубить 6000 корней, и Палата немедленно дала на то ассигновку. Поэтому и приступлено было зимою того же года къ порубкѣ. Но въ этомъ же году случилось обстоятельство, которое, не имѣя сначала никакой связи съ дѣломъ о порубкѣ, послужило въ послѣдствіи времени основаніемъ этого дѣла и источникомъ множества недоразумѣній, непріятностей и несправедливостей. Въ Слонимѣ проживалъ тогда трактирщикъ Володковичъ, человѣкъ безпечный, дерзкій, надменный и злопамятный. Будучи въ томъ же 1836 году избранъ городскимъ головою, онъ началъ свою новую службу дѣйствіями самовластиа и насилиа. Обиженные имъ подавали жалобы начальству, но не получали удовлетворенія, потому что Володковичъ упреждалъ вездѣ ихъ старанія и умѣлъ сдѣлать ихъ недѣйствительными. Тогда они обратились съ просьбою о защитѣ къ брату моему, находившемуся въ то время въ Слонимѣ. По ходатайству его, тогдашній Гродненскій губернаторъ Доппельмейеръ, убѣдясь въ противозаконныхъ поступкахъ Володковича, отрѣшилъ его отъ службы. Пользуясь покровительствомъ окрестнаго начальника жандармовъ генерала Дребуша, Володковичъ покаялся отомстить моему брату. Онъ-то первый послалъ г. Дребушѣ доносъ, что въ Слонимской экономіи самовольно вырублено не шесть, а десять тысячъ *матъ* (!!). Доносъ этотъ отправленъ былъ къ высшему начальству, и предписано было Казенной Палатѣ произвести изслѣдованіе. Н. Н. ни мало не отказывался отъ этого дѣла и представлялъ неоспоримыя доказательства, что этотъ лѣсъ

составляетъ неотъемлемую его принадлежность. Ему отвѣчали, что онъ ни въ какомъ случаѣ не лишится дара, пожалованнаго ему по высочайшей волѣ; но что вѣроятно при исполненіи его распоряженій могли возникнуть злоупотребленія, которыя должны обнаружиться слѣдствіемъ. Не желая нарушать порядка, предписаннаго законами въ такихъ дѣлахъ, онъ рѣшился ждать окончанія слѣдствія. Казенная Палата во всемъ составѣ своемъ прибыла въ Слонимъ и по тщательномъ изслѣдованіи нашла, что порубка учинена на основаніи ся ассигновки и что доносъ Володковича оказался вполне ложнымъ, о чемъ и донесла военному губернатору. Володковичъ не пришелъ отъ того въ уныніе. Онъ послалъ новый доносъ генералу Дребушѣ, и тутъ уже обвинялъ членовъ Казенной Палаты въ пристрастіи, а можетъ быть и въ подкупѣ (!!). Въмѣстѣ съ ними дѣйствовали два Слонимскіе Жиды, братья Гольдберги, пользовавшіеся также довѣренностію г-на Дребуша. Пронски ихъ было столь сильны, что наряжено было другое слѣдствіе въ 1837 году. Министръ государственныхъ имуществъ прислалъ своего чиновника Штрандмана, а г. Дребушъ командировалъ для совмѣстнаго съ нимъ дѣйствія подполковника жандармскаго корпуса Быкова. Оба эти лица, по окончаніи слѣдствія, признались, что они прибыли въ Слонимъ съ *злымъ намѣреніемъ*, а именно, чтобы найти злоупотребленіе, *во чтобы то ни стало*. И дѣйствительно, по прибытіи туда, они, безъ всякаго изслѣдованія, заарестовали вырубленный лѣсъ. Но, производя болѣе трехъ мѣсяцевъ изслѣдованіе, они не могли найти ничего противозаконнаго, убѣдились въ ложности из-

вѣтовъ Володковича и, признавъ офиціантовъ экономіи вполнѣ невинными, выдали имъ заарестованный лѣсъ.

Новыя усилія и извѣты Володкевича и Голдберговъ сдѣлали ничтожными и это второе слѣдствие и даже были причиною опалы самыхъ слѣдователей. Штрандманъ навлекъ на себя негодованіе министра, Быковъ принужденъ выйти въ отставку.

Наряжено было третье слѣдствие въ 1838 году. Новый слѣдователь уже не обращалъ вниманія на законность или незаконность порубки, а началъ доискиваться только несоблюденія формальностей, которое въ такомъ грамадномъ дѣлѣ конечно могло встрѣтиться. Во всякомъ случаѣ не было возможности обличить экономію въ самоуправствѣ при порубкѣ. Тогда одинъ изъ личныхъ враговъ моего брата подалъ совѣтъ, сообщившій окончательный толчекъ этому дѣлу. Призвали въ Комиссію нѣкоего Гинца, бывшаго нѣкогда однимъ изъ офиціантовъ экономіи, но за злоупотребленія удаленнаго отъ должности, сняли съ него допросъ и на его показанія основали заключеніе Комиссіи, которое вполнѣ обвинило экономію въ злоупотребленіи. Такимъ образомъ показаніе лица, которое не только не принадлежало къ экономіи, но даже не было въ Слонимѣ въ продолженіи всего времени этого дѣлопроизводства, послужило основаніемъ къ заключенію новой Комиссіи.

Всѣ эти три слѣдствія производились *при жизни* Н. Н-ча, а не такъ, какъ увѣряетъ г. Ципринусъ, что покуда Новосильцевъ жилъ, дѣло оставалось „въ бездѣйствіи.“ Напротивъ того, именно во время его жизни оно находилось въ сильнѣйшемъ разгарѣ; но этотъ благородный чловѣкъ не хотѣлъ употреблять своего

вліянія и значенія на то, чтобъ остановить законный ходъ дѣла, а дожидался окончанія слѣдствія за тѣмъ, чтобы установленнымъ порядкомъ обличить передъ судомъ неправильность его. И когда братъ мой увѣдомилъ его, какой оборотъ получило послѣднее изслѣдованіе, онъ сказалъ: „Теперь моя очередь. Теперь я начну дѣйствовать“. И точно началъ, но не успѣлъ кончить: въ 1839 году, въ вербную субботу, прогуливаясь по гостинному двору, онъ сильно простудился и послѣ кратковременной болѣзни скончался.

Изъ вышесказаннаго, извѣстнаго мнѣ не по слухамъ, а изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, ясно видно, что Н. Н. вовсе не „отзывался незнаніемъ дѣла“, а будучи увѣренъ въ своихъ правахъ и чистотѣ своего дѣла, не отставалъ отъ справедливыхъ своихъ требованій и наконецъ хотѣлъ положительно изобличить пристрастіе слѣдователей судебнымъ порядкомъ; но смерть воспрепятствовала ему исполнить его намѣреніе. Кончина его обнаружила ясно, куда направлены были стрѣлы его противниковъ.

Заключаю эту статью нѣсколькими словами. Пока останется на землѣ хотя одинъ изъ тѣхъ, кои знали ближе Николая Николаевича, а тѣмъ паче тѣхъ, кои имѣли счастье служить подъ его начальствомъ, имя его будетъ воспоминаемо съ уваженіемъ и признательностію. Многолѣтнія опыты и тщательныя наблюденія убѣдили многихъ, что Виленскій учебный округъ, въ продолженіи всего текущаго столѣтія, не имѣлъ столь достойнаго начальника.

Павелъ Кукольникъ.

Вильна. Ноябрь 1872.